

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ПОЭЗИИ МОЛОДЫХ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ АВТОРОВ

Е. А. Смышляев, В. И. Ибраева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В данной статье исследуются особенности субъектной организации в поэзии молодых южноуральских авторов (Р. Аглиуллина, Е. Коляченко, А. Маниченко, Р. Япишина). Данное поколение поэтов пришло в литературу в период активного развития новых информационных и коммуникационных технологий. Цифровой поворот привел к стремительному увеличению текстов, публикуемых в интернете, а также к возможности молодых авторов опираться на более широкий круг художественных текстов, нежели у предыдущих поколений, что проявилось в полистилистичности и полипарадигматичности поэтического языка.

Категория субъектности в поэзии молодых авторов проявляется вариативно. Это может быть десубъективация, то есть различные формы косвенного высказывания, масочность и многоголосие лирического «я». Зачастую субъект в поэзии молодых авторов трансгрессивен, является транслятором болезненного опыта взаимодействия с миром, опыта преодоления травмы.

Важным для понимания субъектной структуры творчества молодых поэтов является термин «трансубъективность», связанный с явлением «нового эпоса» в современной русской литературе. Для молодых южноуральских авторов важной становится трансляция историй «других» голосов, историй не о себе, но о других людях, рефлексия чужих чувств, чужого опыта. Трансубъективности зачастую является способом самоидентификации в современной поэзии, попыткой рассмотрения индивидуального опыта сквозь призму чужого, взгляд на себя со стороны.

Ключевые слова: субъектность, адаптивность, лирический субъект, современная уральская поэзия, трансубъективность, десубъектация, самоидентификация.

Введение

Младшее поколение современных челябинских поэтов заявило о себе не так давно: их активное участие в литературной жизни началось примерно в период с 2008 по 2015 год, но их творчество уже тогда вызвало сильный интерес, в том числе на всероссийском уровне. Так, челябинские поэты становятся лауреатами таких всероссийских премий, как «Осиянное слово», «Сочи-МОСТ», входят в лонг- и шорт-листы крупных литературных премий «Дебют», «ЛитератураРентген» и др., их произведения публикуют крупные журналы, такие как «Воздух», «Урал», «Москва», а в 2013 году публикуется сборник «На достаточных основаниях», составленный Я. Грантсом, в который вошли произведения пятнадцати молодых челябинских поэтов.

Многие исследователи современной русской литературы, такие как А. А. Житенев, Д. М. Давыдов, И. В. Кукулин, А. Э. Скворцов, Д. В. Кузьмин и др., отмечают, что в начале XXI века становится невозможным единый литературный процесс в том понимании, как его воспринимали на протяжении XVIII–XX вв. Говоря о молодых поэтах 2000-х годов в статье «Русская поэзия в начале XXI века», Д. В. Кузьмин отмечает «...резкий стилистический и мировоззренческий разброс среди молодых авторов, входивших в литературу одновременно и, казалось бы, в сходных условиях» [1]. В статье «Без поколения» А. Э. Скворцов отмечает, что «...младшие нередко приходят в поэтическое пространство словно бы на пустое место,

не столько борясь с предшественниками, сколько игнорируя их или вообще не имея представления о том, что предшественники были и есть» [2].

Процесс личностного и творческого созревания резко изменился в начале первого десятилетия XXI века, связано это было в первую очередь с повсеместным проникновением в жизнь человека информационно-коммуникационных технологий. Д. М. Давыдов отмечает это в статье «Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия», подчеркивая, что для молодого поколения «...характерен генезис в Интернете, ориентация на сетевые формы организации. Отсюда – равная возможность опереться на самые различные литературные источники» [3, с. 366]. Эта возможность приводит к вариативности, полипарадигматичности и полистилистичности поэтического языка.

Обзор литературы

Термин «лирический герой»¹ был впервые использован Ю. Н. Тыняновым в 1921 году при изучении поэзии А. А. Блока. Ученый отмечал: «Блок – самая большая лирическая тема Блока. Эта тема притягивает как тема романа еще новой, нерожденной (или неосознанной) формации. Об этом *лирическом герое* и говорят сейчас» [4, с. 118]. Б. О. Корман в своей концепции в качестве главного признака лирического героя выделяет двойственность его природы, которая проявляется в совмещении субъектных и объектных качеств:

¹ Понятия «лирический субъект» и «лирический герой» синонимичны.

он – «...и носитель сознания, и предмет изображения» [5, с. 45]. В. Е. Хализев, говоря об особенностях лирики, различает «...автопсихологического и ролевого субъекта лирического произведения» [6, с. 91], в зависимости от того, близок ли лирический субъект автору или нет. Это же отмечает и Л. Я. Гинзбург, говоря о синтезе субъектных и объектных признаков, которые и определяют сущность лирического героя. По мнению исследователя, лирическая личность создает проекцию бытия ее двойника в реальной жизни, «...причем этот лирический двойник... не является эмпирической, биографической личностью, взятой во всей противоречивой полноте и хаотичности своих проявлений» [7, с. 149]. Во всех рассмотренных случаях особый упор делается на опосредованных связях лирического «я» с биографическим «я» поэта, что позволяет четко разграничить объективный мир и художественную реальность.

Проблема субъектной структуры в современной отечественной поэзии является одной из ключевых. Интерес к якобы исчезнувшей под напором постмодернизма, с его заявлениями о вторичности любого высказывания и власти языка над сознанием и личностью, категории лирического субъекта становится все более напряженным. Так, А. В. Штраус в своей диссертации «Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990–2000-х годов» отмечает, что «...лирический субъект продолжает существовать как особый тип героя, свойственный лишь лирическому миру, ибо без него невозможно самое воплощение лирического мира. Следовательно, формы, возникающие как замена лирического героя, на самом деле являются вариантом развития этой категории. Кризис, собственно говоря, захватывает не категорию лирического героя, а теоретико-литературные модели, такового героя описывающие» [8, с. 31].

Говоря об особенностях субъектной структуры поэзии конца XX века, безусловно повлиявших на творчество молодых авторов, А. А. Житенев в монографии «Поэзия неомодернизма» связывает кризис субъектности с понятием «смерти автора» (Р. Барт), отказом от веры в то, что у текста есть личностно обусловленный вектор: «...“смерть автора” предполагает не столько деструкцию субъектности как таковой, сколько постановку под вопрос самотождественного субъекта, его замену “субъектом-в-процессе” (sujet en proces), принципиально “неготовым”, фрагментарным, утверждающим себя через сомнение» [9, с. 98].

В философских трудах постструктуралистов (Ж. Деррида и М. Фуко) [10, 11] субъект представляется фрагментарным. Стремясь разрушить «логоцентризм» (язык власти и власть языка), они, по сути дела, доводят до конца разрушение субъекта, начатое Л. Витгенштейном.

Десубъектация, исчезновение субъекта или его расщепление на множество голосов, становится

ключевым в философии и творчестве М. Бланшо: «Бланшо руководствуется, как он говорит в начале “L’Entretien infini”, анонимным, отвлеченным, отсроченным и рассредоточенным способом существования во взаимоотношениях, при котором все ставится под сомнение – и в первую очередь идея Бога, “Я”, субъекта, затем истины и единого, и, наконец, идея книги и произведения» [12, р. 31]. И. Кукулин в статье «Создать человека, пока ты не человек...» делает важные замечания о ключевых тенденциях в поэзии 2000-х. Так, в качестве ключевых векторов в новейшей русской поэзии ученый выделяет преодоление «героического консенсуса» через уход в рефлексию личного (внимание к людям вокруг себя, их историям и жизням) и транссубъективность, заключающийся в смене регистра высказывания от прямого к косвенному, трансляции нарративов «разных людей, разными голосами» [13]. Данные тенденции связаны как с развитием традиций, заложенных еще в XX веке, так и с развитием нового пространства для самопрезентации: социальных сетей, где «...стихотворение, вывешенное в личном блоге автора, за несколько часов “обрастает” многочисленными комментариями сочувствующих и оппонентов; современные любители поэзии начинают день с просмотра “ленты друзей” или сводки новостей». Таким образом, для творчества молодых поэтов, генезис которых происходит во многом в интернете и социальных сетях, перечисленные выше тенденции становятся ключевыми.

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительный, структурный, типологический и аналитический методы.

Результаты и дискуссия

В творчестве младшего поколения челябинских поэтов можно выделить следующую тенденцию: лирическое «я» отличается неоднородностью, часто встречается многоголосие. Молодые поэты не стремятся создать прямое лирическое высказывание, наоборот, уходят от него, избегая подчеркнутой автобиографичности. Для них характерна смена образов, использование различных ситуационных контекстов и миров. Эти приемы необходимы для того, чтобы дать читателю почувствовать переживания, ощущения, мысли, возникающие в процессе сопоставления различных образов, приемов, лексики. Как отмечает в статье «Создать человека, пока ты не человек...» исследователь современной поэзии, литературовед, критик И. В. Кукулин, «Поэтическое “я” 2000-х, – внутренне разнородное, собирающее себя из нарочито конфликтных элементов» [13]. А. Маниченко в своих произведениях выстраивает драматургические отношения, участниками которых становятся разные формы лирического «я» – персонажи, маски и голоса. Так, в поэтическом тексте «Сад (мистерия)» сюжет разворачивается между персона-

жами «земля» и «мертвая невеста». Уже в заглавии видно соединение поэтического и драматургического начала, автор четко показывает жанровую принадлежность – мистерия. Присутствуют и другие маркеры драматического жанра: деление на реплики, ремарки, мизансцены, имена действующих лиц.

САД (мистерия)

нежные мертвецы хрупкие косточки

этот старик смотрит на них и знает

слишком много

его надо заткнуть

пока не разболтал государственную тайну

смерть нежна ночь еще нежней

соловьи тихие о ее любви о ее

розы вянут о ее любви о ее касаниях

о ее тонких пальцах

холодных взглядах

медленных признаниях

земля:

мне холодно приходи ложись

обнимай

расскажи мне сказку а то темно

и такая ночь

<...>

мертвая невеста:

мухи в моем саду в моей голове

рой мушиный жужжит

приходи ко мне ложись в траве

видишь как мир дрожит [14].

Нелинейность лирического высказывания А. Маниченко во многом соотносится с таким явлением, как «новый эпос», манифестированным Ф. Сваровским в 2007 году в журнале «РЕЦ»: «Итак, мне кажется, что последние 10 лет в русской словесности обнаруживается качественно новое явление, которое я бы назвал “новым эпосом”. Его основные внешние признаки: повествовательность и, как правило, ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов, а также концентрация смыслов не на реальной личности автора и его лирическом высказывании, а на некоем метафизическом и часто скрытом смысле происходящего, находящемся всегда за пределами текста» [15, с. 3–4]. Доказательством влияния Ф. Сваровского и А. Равинского на А. Маниченко становится анкетирование, проведенное нами для исследования, в котором поэт упоминает эти имена в числе читаемых им авторов.

В книге стихотворений «Гербарий» Александр Маниченко затрагивает тему творчества и значения поэтического искусства. Важным для понимания особенностей лирического субъекта книги «Гербарий» становится тема произведе-

ния – сопоставление роли бога-творца и роли поэта-творца. Как известно, бог создал райский сад, полный всевозможных растений и животных. В книге же Александр Маниченко персонифицирует свое лирическое «я» – непосредственно автора. Объединяющим их началом становится возможность создавать что-то новое, процесс творения, созидания, демонстрация творческого акта.

Уже в первом сонете в двух катренах нам показаны два лирических героя – это сам бог, демиург, создавший свой сад и наслаждающийся им («сам бог гуляя по утрам...»), и лирический субъект (лирическое «я» автора) («не вянут на моих руках...»). Резкий переход от одного к другому, от третьего лица к первому («свои венки плетет – не вянут на моих руках...») в пределах двух строк позволяет соотносить между собой различные позиции и провести параллель между образами. Лирический субъект здесь уподобляется богу-создателю, творящему началу, и творческий акт сравнивается с актом сотворения мира, но уже не физического, а пространства слов и названий. Так, перечисляя дары бога, помимо физических, материальных объектов появляются слова – уже результат творчества поэта: «о красоты твоих даров из ветра птиц и слов...». Таким образом, следующее за этим обращение «о как твой замысел хитер...» направлено уже не только к образу бога, но и к лирическому автору.

В шестом сонете через синтаксический параллелизм подчеркивается синкретизм образа бога и лирического автора. Выстраивается логическая связь: Бог – лирический автор и цветы – слова. Таким образом расширяется сфера субъекта, он не просто уподобляется Богу в акте творчества, но и сам становится Богом создаваемой им реальности. Значение цветов, первоначальное связанное с богом, расширяется, в том числе и из-за жанровой номинации – *венок* сонетов, поэтому слова лирического «я» автора обретают новое значение: автор сам наблюдает и анализирует процесс своего творчества. Плетение венков из цветов равняется процессу создания стихотворения. Порою субъект начинает иронически переосмысливать самого себя – и будто смотрит на свою работу со стороны. В 5 сонете опять обыгрывается многозначность слова «венок» для книги стихотворений – и вот уже не просто цветы становятся символом слов, а лирическое «я» поэта открыто рассуждает о процессе своего творчества.

потом я сделаю катрен

а может быть букет

построю образы в каре

или в ритмический дуплет [16, с. 8]

Происходит так называемое разрушение четвертой стены между авторским началом и читате-

лем, который становится свидетелем создания и к которому уже непосредственно обращается автор:

читатель может и не знать
что бархатцы шафраном можно звать [16, с. 9]

Эта особенность лирического субъекта в «Гербарии» – раздвоенность и в то же время тесная связь двух образов: Бога-творца и поэта-творца – определяет главную идею всего цикла – бессмертие поэта в его творчестве. Материальный мир у Александра Маниченко предстает прекрасным, но не вечным, хрупким. Процесс номинации, запечатление в стихе становятся актом сохранения в вечности.

фиалки скромно тлевшие в кустах
теперь блистают в композициях
не вянут на моих руках
а замирают как прекрасное мгновение
бессмертны как цветы бессмертника
цветы-слова прозрачные и легкие как тени
[16, с. 11]

Вечная тема бессмертия поэта и его творчества прослеживается и через реминисценцию, всем знакомую строку из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А. С. Пушкина «Мой прах переживет и тленья убежит», которая в книге стихотворений «Гербарий» встречается три раза («и тленья убегут»).

Схожие мотивы прослеживаются в еще одном сборнике поэта – «Бестиарий». Как и в предыдущем сборнике, здесь лирический субъект предельно близок фигуре автора (повествование ведется от первого лица). Уже в первом и втором стихотворении задается главная идея всего сборника: возможность через творчество запечатлеть, увековечить мимолетные моменты жизни:

Неужто все забудется, и все?
Все пропадет без всякого следа
в какое-то нигде и никогда,
сгорит и растворится, или что?

Нет, если их я буду сохранять,
запоминать и в памяти держать,
рассказывать, какие они были.
Я буду их свидетель и словарь,
их предпоследняя надежда и фонарь
в закатной – я хотел сказать, конечной, –
непрозрачной пыли [17, с. 16].

Рассуждая о недолговечности мира, его печальной мимолетности («все мимолетно, все недолговечно», «но есть изъян, печальное увечье: / все – пассажир в автобусе, и вот уже конечная»), лирический субъект отчаянно пытается найти ре-

шение проблемы конечности всего сущего: от «вещей красивых» до человеческой жизни. И опять же путем к вечности становится созидающий акт поэта, который через свое творчество способен запечатлеть, «запоминать и в памяти держать».

Далее идет положенное жанру бестиария описание живых существ, от стрекозы до ящерицы. Каждое из животных становится аллегорией человеческой жизни, тех или иных психотипов, ситуаций, людских чувств. Через эти описания лирический субъект стремится сохранить частицу мира, конечного по своей природе. Именно поэзия становится средством к достижению бессмертия. Поэтому в стихах то и дело прослеживается указание на письменную, стихотворную природу («слова висят в воздухе *дать взять*», «я словно малое вплетенное в напев», «любой глагол не убежит / их совка строго сторожит»).

Последние два стихотворения подытоживают весь сборник, в них лирический субъект подводит итоги своему труду. Мы видим, что изначальное желание «посоветовать на неизбежный скоротечный обреченный ритм» внутри героя перерастает в более мощное («но ярость, слезы, жажда жизни, крик») желание перебороть, победить течение времени. Появляющееся в конце местоимение «мы» делает эту интенцию общечеловеческим желанием, а не только волей поэта и подчеркивает свойственное для человека стремление к вечности («чего? чего мы просим?», «Нам мало! Мало! Мало!», «что нам натворить?»). В итоге поэзия лирического субъекта становится способом борьбы с забвением, и финальные строчки подтверждают это превосходство творчества над беспомощностью, не случайно последний стих не оканчивается точкой:

Вы победили.
Бесконечны ваши жизни [17, с. 29]

Таким образом, особенностью лирического субъекта в циклах Александра Маниченко «Гербарий» и «Бестиарий» становится создание двух лирических героев: бога-творца и поэта-творца. Образ поэта-творца, он же лирический субъект, становится через ряд смысловых и синтаксических параллелей комплементарным богу-творцу. Это слияние двух образов в один творящий субъект выражает одну из главных идей двух книг стихотворений – бессмертие поэта в его творчестве и увековечивание через акт творческого созидания.

Р. Япишин в своем творчестве использует обе модели построения лирического высказывания: это и прямое лирическое высказывание, в котором присутствует явная автобиографическая составляющая (как и у других челябинских поэтов – В. Кальпиди, Я. Грантса, А. Самойлова), и стратегия полифонизма лирического «я», выраженная

через сложные аллегоричные, а порой сюрреалистичные образы, напоминающие бестиарий:

Кричи, но не горчи.
Разбуженные совы
Взирают на тебя
С продавленных ветвей <...> [18].

Как тебе живется в рыбьем рабстве?
Где глаза открыты у прохожих,
Где стеклянные волнуются медузы,
Где снов нет и где их быть не может.
Этот мир для снов предельно узок [18].

Для творчества Риммы Аглиуллиной характерна транссубъектность, заключающаяся в рассмотрении индивидуального опыта сквозь призму чужого. Говорение от первого лица сменяется рассказыванием историй других людей, окружающих, случайно подслушанных:

растерянно подходит
говорит
у меня представляете
сумку
из черного кожзама
взяли и

оно бы ничего
потертый кошелек, смятые инфляцией купюры
полусъеденная помада
но альбом

старый альбом клеенчатая обложка
карточки врассыпную
мама, папа,
бабушка, дедушка, брат, сестра
куда же
это же не представляет никакой

ГРАЖДАНЕ НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ
ПРОХОДИМ
НАШИ СОТРУДНИКИ ПРОВОДЯТ
ДОСМОТР
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ
НА ТЕРРИТОРИЮ УБЕЖИЩА НЕ [19]

В приведенном выше поэтическом тексте главным становится не субъект речи, а его история, ситуация, происходящая вокруг. Повествовательность и острота темы, сюжета компенсируют нелинейность высказывания. В стихотворении, явно постапокалиптическом, фрагмент речи открывает пространство для размышлений о ценности памяти, стирании всего сентиментального, гуманного в момент катастрофы. Важна также структура стихотворения, его обрывистость (без начала и конца), которая создает ощущение мимо-

летности, неустойчивости, зыбкости существования. Голос человека в катастрофе, что подчеркивается на графическом уровне, мал, по сравнению с голосом системы.

Ощущение катастрофы пронизывает поэтические тексты молодых авторов. С одной стороны, это явление объясняется возрастом, но в большей степени положением вещей и тем пространством, которое открывается молодому взору. Так, для поэзии Е. Коляченко свойственна десубъектация, исчезновение или расщепление на множество голосов:

и слова до неприличия сократятся
и ждать
станет нечего
оранжевый морок от неба спускается
потому что нигде нету солнца
особенно вечером <...> [20]

Люди люди много их всех
Я-снежинка
Громкая музыка
Пакостный смех
Встаньте вокруг встаньте в круг
Это то что должны любить дети правда?

Откуда мне все это знать
Откуда мне знать [20]

Десубъектация позволяет молодым авторам обратиться к коллективной травме, как, например, в стихотворении Р. Аглиуллиной «Не до любви»:

Не до любви,
надо выстроить убежище из своего тела,
и чьего-то еще тела,
и чьих-то еще тел,
и сомкнуться плотнее, ведь за нами
старый, малый, убогий, незащитный,
отвергнутый, ненавидимый, обвиненный,
неудобный, отвратительный, живой и теплый [19].

Говоря о поэзии южноуральских авторов, не только молодых, следует отметить достаточно частотное изображение окружающего их пространства как негативного. М. С. Мозжерина, исследуя хронотоп субъективной реальности в творчестве Лены Элтанг, пишет следующее: «...субъективное восприятие времени и пространства активно изучается в психологии, косвенно соприкасаясь с понятием “хронотоп” и его воплощением в литературе» [21]. Так, пространство, описываемое поэтами в их художественных текстах, может не совпадать с объективной реальностью. Зачастую отображение окружающего пространства (города и региона) связано с воспоминаниями, осмыслением событий

прошлого. Также на негативное изображение пространства города и региона влияют локальные мифы (зачастую хтонические) и стереотипные образы. Ничего не радует глаз, не услаждает слух. Вокруг лишь пустота, немота, холод, дым, сера – одни из ключевых маркеров южноуральской поэзии.

Выводы

На субъектную организацию поэзии молодых авторов Южного Урала во многом повлияло то время, когда они вошли в литературу – период 2008–2015 годов. Новая информационная среда, развитие цифровых технологий сподвигают авторов на различные эксперименты с формой, жанром, субъектной организацией. Поэтические тексты молодых поэтов отличаются полисемантической: мы можем наблюдать сочетание совершенно различных стилистик, тематик и жанров в творчестве одного и того же автора.

В отличие от своих предшественников, поэтов среднего поколения, молодые авторы чаще всего уходят от прямого лирического высказывания. Их субъект все чаще становится необозримым, одним из множества голосов, одной из множества масок. Выбирая такой способ высказывания, обращаясь к трансубъектности, молодые авторы по-своему обращаются к феномену «нового эпоса» (тенденция к системному нелинейному высказыванию), возникшему в современной русской литературе в конце 1990-х. Ключевым для субъектности молодых авторов становится глубокая рефлексия себя через окружение или даже через попытку понять нечто «чужое».

Еще одной важной особенностью субъектной структуры молодой поэзии является десубъектация – полное отсутствие субъекта в художественном тексте. Во многом данный феномен связан с негативным восприятием окружающего пространства, восприятием локуса как невозможного для жизни, уход в трансцендентность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00855).

Литература

1. Кузьмин, Д. Русская поэзия в начале XXI века / Д. Кузьмин. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-review/view_print/.
2. Скворцов, А. Э. Без поколения / А. Э. Скворцов // Журнальный зал Русского Журнала : Архив. – URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/18s.html>.
3. Давыдов, Д. М. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия / Д. М. Давыдов // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Вып. 2. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – 408 с.
4. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – 578 с.
5. Корман, Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б. О. Корман // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981. – С. 39–53.
6. Хализев, В. Е. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины : учебное пособие / В. Е. Хализев ; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа : Академия, 1999. – С. 89–95.
7. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М., 1997. – 380 с.
8. Штраус, А. В. Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990–2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Штраус. – Пермь, 2009. – 132 с.
9. Житенев, А. А. Поэзия неомодернизма : монография / А. А. Житенев. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2012. – 481 с.
10. Деррида, Ж. Эдмон Жабе и вопрос книги / Ж. Деррида // Письмо и различие. – СПб. : Академический проект, 2000. – 495 с.
11. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
12. Hart, K. The Aggrieved Community. Nancy and Blanchot in Dialogue / K. Hart // Journal for Continental Philosophy of Religion. – 2019 (1). – P. 27–42.
13. Кукулин, И. Создать человека, пока ты не человек... / И. Кукулин // Сетевое издание «Горький». – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html.
14. Маниченко, А. Стихи / А. Маниченко // Сайт «Полутона». – URL: <http://polutona.ru/?show=manichenko>.
15. Сваровский, Ф. Несколько слов о «новом эпосе» / Ф. Сваровский // РЕЦ. – 2007. – № 44. – С. 3–6.
16. Маниченко, А. Гербарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 36 с.
17. Маниченко, А. Бестиарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 31 с.
18. Япишин, Р. Стихи / Р. Япишин. – URL: https://45parallel.net/roman_yapishin/.
19. Аглиуллина, Р. Стихи / Р. Аглиуллина. – URL: https://45parallel.net/rimma_agliullina/pismo_pered_ischeznoveniem/.
20. Коляченко, Е. Номера экстренных служб : стихи / Е. Коляченко. – URL: <https://polutona.ru/print.php3?address=0610180954>.
21. Мозжерина, М. С. Хронотоп субъективной реальности в романном творчестве Лены Элтанг / М. С. Мозжерина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 93–99.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: smyshliaevea@susu.ru. ORCID 0000-0002-4848-4986

Ибраева Валентина Игоревна – магистрант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: valya.ibraeva.99@mail.ru

Поступила в редакцию 30 декабря 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240111

SUBJECTIVE STRUCTURE OF POETRY OF YOUNG SOUTH URAL AUTHORS

E. A. Smyshlyayev, V. I. Ibraeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article examines the features of subject organization in the poetry of young South Ural authors (R. Agliullina, E. Kolyachenko, A. Manichenko, R. Yapishina). This generation of poets entered literature during a period of active development of new information and communication technologies. The digital turn has led to a rapid increase in texts published on the Internet, as well as to the ability of young authors to rely on a wider range of literary texts than previous generations, which manifested itself in the polystylistic and polyparadigmatic nature of poetic language.

The category of subjectivity in the poetry of young authors manifests itself variably. This can be desubjectivization, that is, various forms of indirect utterance, masking and polyphony of the lyrical “I”. Often the subject in the poetry of young authors is transgressive, a translator of the painful experience of interacting with the world, the experience of overcoming trauma.

Important for understanding the subjective structure of the work of young poets is the term “transsubjectivity”, associated with the phenomenon of the “new epic” in modern Russian literature. For young South Ural authors, it becomes important to broadcast stories of “other” voices, stories not about themselves, but about other people, reflection of other people’s feelings, other people’s experience. Transsubjectivity is often a way of self-identification in modern poetry, an attempt to consider individual experience through the prism of someone else, a look at oneself from the outside.

Keywords: subjectivity, adaptability, lyrical subject, modern Ural poetry, transsubjectivity, desubjectification, self-identification.

References

1. Kuzmin D. Russkaja poezija v nachale XXI veka [Russian Poetry at the Beginning of the 21st Century]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-review/view_print/.
2. Skvortsov A.E. Bez pokolenija [Without a Generation] // Zhurnal’nyj zal Russkogo Zhurnala : Arion. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/18s.html>.
3. Davydov D.M. Pokolenie vs pojetika: molodaja ural’skaja poezija [Generation VS Poetics: Young Ural Poetry] // *Literatura Urala: istorija i sovremennost’*: sbornik statej. Vyp. 2. Ekaterinburg: UrO RAN: Sojuz pisatelej, 2006. 408 s.
4. Tynyanov Y.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. M., 1977. 578 s.
5. Korman B.O. Celostnost’ literaturnogo proizvedenija i jeksperimental’nyj slovar’ literaturovedcheskih terminov [Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms] // *Problemy istorii kritiki i pojetiki realizma*. Kujbyshev, 1981. S. 39–53.
6. Khalizev V.E. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie. Osnovnye ponjatija i terminy [Lyrics Introduction to Literary Criticism. Literary Work. Basic Concepts and Terms]: uchebnoe posobie; pod red. L.V. Chernec. M.: Vysshaja shkola: Akademiya, 1999. S. 89–95
7. Ginzburg L.Y. O lirike [About Lyrics]. M., 1997. 380 p.
8. Strauss A V. Problema liricheskogo geroja v sovremennoj poezii: novye tendencii 1990–2000-h godov [The Problem of the Lyrical Hero in Modern Poetry: New Trends of the 1990s – 2000s]: dis. ... kand. filol. nauk. Perm’, 2009. 132 s.
9. Zhitene, A A. Pozejija neomodernizma [Poetry of Neomodernism]: monografija. SPb.: INA-PRESS, 2012. 481 s.

10. Derrida Zh. Jedmon Zhabe i vopros knigi [Edmond Jabot and the Question of the Book] // *Pis'mo i razlichie*. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. 495 s.
11. Foucault M. Germenevtika sub'ekta [Hermeneutics of the Subject]. SPb.: Nauka, 2007. 677 s.
12. Hart K. The Aggrieved Community. Nancy and Blanchot in Dialogue // *Journal for Continental Philosophy of Religion*. 2019. № 1. P. 27–42.
13. Kukul'in I. Sozdat' cheloveka, poka ty ne chelovek... [Create a Person while You are not a Person...] // *Setevoe izdanie «Gor'kiy»*. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html.
14. Manichenko A. Stihy [Poems] // *Site «Polutona»*. URL: <http://polutona.ru/?show=manichenko>.
15. Swarovsky F. Neskol'ko slov o «novom jepose» [A Few Words about the “New Epic”] // *REC*. 2007. № 44. S. 3–6.
16. Manichenko A. Gerbarij [Herbarium]. Chelyabinsk, 2019. 36 s.
17. Manichenko A. Bestiarij [Bestiary]. Chelyabinsk, 2019. 31 s.
18. Yapishin R. Stihy [Poems]. URL: https://45parallel.net/roman_yapishin/.
19. Agliullina R. Stihy [Poems]. URL: https://45parallel.net/rimma_agliullina/pismo_pered_ischeznoeniem/.
20. Kolyachenko E. Nomera jekstreennyh sluzhb: stihy [Emergency numbers]. URL: <https://polutona.ru/printer.php3?address=0610180954>.
21. Mozzherina M.S. Hronotop sub'ektivnoj real'nosti v romannom tvorchestve Leny Jeltang [The Chronotope of Subjective Reality in the Novel Work of Lena Eltang] // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 2022. T. 22, № 1. S. 93–99.

Evgeniy A. Smyshlyayev – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Valentina I. Ibraeva – Master's Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: valya.ibraeva.99@mail.ru

Received December 30, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смышляев, Е. А. Субъектная структура поэзии молодых южноуральских авторов / Е. А. Смышляев, В. И. Ибраева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 87–94. DOI: 10.14529/ssh240111

FOR CITATION

Smyshlyayev E. A., Ibraeva V. I. Subjective structure of poetry of young South Ural authors. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 87–94. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240111
